

Православный священник на войне: классификация морального опыта*

Александр Луньков

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Институт философии и права УрО РАН
Адрес: ул. Софьи Ковалевской, д. 16, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620108
E-mail: istorik1981@mail.ru

Актуальность и практическая значимость изучения морального опыта священника на войне обусловлена фактическим отсутствием в отечественных социальных науках исследований по критическому осмыслению индивидуального выбора в момент совершения насилия, претерпевания насилия или наблюдения за насилием в ходе военных действий. В современной аналитической традиции проблематика морального опыта на войне чаще всего раскрывается с точки зрения нормативных подходов, связанных с теорией справедливой войны. На наш взгляд, понимать войну необходимо прежде всего как ситуацию, нарушающую фундаментальные принципы любой морали. Парадокс, однако, заключается в том, что, разрушая мораль мирного времени, война производит новую — мораль войны. И этот новый моральный порядок рождается в моменты экзистенциального выбора и затем транслируется другим участникам военных действий (даже противнику) и в тыл (например, в виде так называемой «окопной правды»). Поэтому ни аналитическая, ни экзистенциалистская традиции не могут быть выключены из рассмотрения этики войны. Целью данной статьи является исследование и классификация моделей морального выбора, совершавшегося православными священниками — участниками боевых действий. Лишь изучив функционирование морального выбора в конкретных ситуациях и осмыслив персональный опыт участия в войне, можно реконструировать этос (результат рефлексии индивидом своего нравственного опыта, обобщаемого до принципов индивидуальной морали) и сформулировать этику (результат обобщения индивидуальной морали до коллективного уровня) войны. Такой подход имеет философско-антропологический характер, поскольку стремится ответить на вопрос, как изменяются границы человеческого в ситуации организованного насилия? Социологический ракурс исследования данной проблемы позволяет выявить институциональные факторы, влияющие на принятие священником решений. При этом становится возможным выявить трансформации индивидуальной моральной структуры священнослужителя через изучение продуктов его рефлексии военных событий в эго-документах и интервью.

Ключевые слова: социология морали, православный священник, военный священник, этика войны, моральный выбор на войне

Адаптация к насилию и предельным формам экзистенциальной вражды, чьим наивысшим выражением была и остается война, всегда имела большое значение для человеческих обществ. Способы осмыслить, описать войну как последний довод в деле восстановления попорченной справедливости (каким бы ни было ее понимание) всегда существовали в разных традициях и культурах. Одним из таких

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00240).

способов неизменно выступала религия. Менялись типы вооружения и способы ведения боя, но вера и священное никогда не покидали поля сражений. Одной из проблем, представляющих несомненный интерес для социальных наук, остается взаимодействие (как формальное, так и нет) двух старейших институтов: армии, воплощающей в себе организованное насилие, и религии, отвечающей за взаимодействие человеческих обществ с трансцендентным.

Институт военного или полкового священства появился в русской армии достаточно давно. Если не учитывать соответствующие упоминания в летописях эпохи Рюриковичей, то первые факты нормативного регулирования статуса полкового священника относятся к царствованию Алексея Михайловича. Петр Великий продолжил эту линию и ввел в Воинский устав 1716 года должности полевого и обер-полевого священников в армии и на флоте. С этого момента и вплоть до 1917 года в России наблюдался рост числа военных священников, было выделено несколько уровней духовного управления в армии по аналогии с ее общей структурой, и была проведена стандартизация их деятельности. В меньшем масштабе, но в тех же институциональных рамках развивалось военное духовенство неправославных религий. К началу Первой мировой войны в каждом военном округе существовали свои раввин, мулла и ксендз. В 1918 году институт Военного и морского духовенства в армии ликвидируется, было уволено почти три тысячи священников. При этом в рядах армий Белого движения военные священники просуществовали до конца Гражданской войны. В современной российской армии этот институт был официально воссоздан в 2009 году. На данный момент в армейской структуре существует несколько должностных уровней военного духовенства: от родов и видов войск до отдельных бригад и полков. В соответствии со штатным расписанием эта должность называется «помощник командира по работе с верующими военнослужащими».

Военное духовенство решало в армии большое количество задач: духовное окормление паствы из числа военных, священнослужение, воспитательная работа и преподавание, нравственное руководство духовной жизнью и т. д. Активная вера должна была стать основой воинской дисциплины, когда человек выполняет свои обязанности не из-за страха и угроз наказания, а по совести и глубокому убеждению в священном характере своего долга. Кроме того, в проповедях и ежедневной работе с солдатами и офицерами подчеркивалась важность таких добродетелей, как терпение, мужество и самопожертвование. Все эти задачи входили в рамки так называемого воспитания духовно-нравственной силы русского воина.

Богословское обоснование специфики отношения РПЦ к войне сформулировал митрополит Киевский и Галицкий (с 1918 г.) Антоний (Храповицкий). Он указывает, что чаще всего общественное мнение апеллирует к 6-й ветхозаветной заповеди «Не убий». Однако более тщательное прочтение Книги Исхода, а также Второзакония дает основание говорить, что «заповедью возбраняется не война и не смертная казнь, но смертоубийство личное, внушаемое ненавистью или самоуправством» (Митрополит Антоний, 2007: 610). Привлечение Нового Завета также

не дает необходимого пацифистам богословского обоснования для запрета на ведение войны и службу в армии, ведь «войну ведет государство, а Христово учение и учение св. апостолов не устанавливает никаких правил для жизни государственной» (Там же: 608). Более широкой же базой полемодиссии для Антония являются постановления Вселенских Соборов и труды Отцов Церкви. Святоотеческая традиция оправдания войны имеет глубокие корни. Так, например, «Амвросий Медиоланский и Августин Аврелий сформулировали концепцию, позволяющую верующим братья за оружие, не нарушая миролюбивых заповедей Христа. Справедливой, т. е. духовно и морально санкционированной, признается война — воздаяние за вину (culpa) грешника» (Куманьков, 2020: 160). Эту же логику продолжает и Фома Аквинский, когда утверждает, что «справедливый воин — миротворец и остается им, даже когда он начинает войну. Он принимает на себя муки войны во благо своему противнику, очищая его от греха. Насилие может быть справедливо направлено исключительно против тех, кому требуется воздать за бесчестное деяние» (Там же: 161). А митрополит Антоний для доказательства приводит тезис из канонического послания Афанасия Великого: «убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно» (Митрополит Антоний, 2007: 617).

На наш взгляд, военный священник и священник-офицер (об их разнице — ниже) не являются типичными представителями армейского социума, представляющего собой продукт уже по большей части модерных, то есть светских, секуляризованных представлений о войне. Классическим субъектом армейской жизни является лицо или организованная группа лиц, чья активность в мирное время направлена на подготовку к применению организованного насилия в ходе военных действий. Главной же задачей армии во время войны является воплощение этого насилия против другого вооруженного субъекта, под которым в модерную эпоху традиционно понималась армия другого государства. Религиозный аспект в современных войнах играл важную роль на заре эпохи модерна. Религиозная подоплека многих военных конфликтов раннего Нового времени означала определенный парадокс: необходимо было инсталлировать в практику армии как уже во многом светского института по производству организованного насилия проповедь Христа о любви к ближнему и другие ключевые морально-этические постулаты христианской религии. Эти религиозные положения должны были исполнить роль своего рода символического механизма, объясняющего, почему та или иная война является справедливой. Со временем, по мере все большей секуляризации языков, легитимирующих применение военного насилия, достигшей своего пика в двадцатом веке с появлением, с одной стороны, мощных гражданских религий в виде всеобъемлющих идеологических систем, а с другой — с развитием гуманитарного права, регламентирующего поведение на поле боя, значимость чисто религиозных способов объяснения войны неуклонно снижалась. Когда позже стало понятно, что светские языки описания не смогут дать исчерпывающие ответы на все вопросы, особенно в ситуациях прямого, не поддающегося никакой окончательной регламентации насилия в боевых порядках передовых подразделений,

роль религии и ее институтов вновь начала возрастать. Таким образом, армия, как и многие другие общественные сферы, сейчас также оказалась в «постсекулярной» ситуации, означающей, что религию и веру пока рано списывать со счетов¹ (см. подробнее: Узланер, 2020).

При этом стоит отметить, что сегодня, например, и в РПЦ, и в рядах самих военных священников нет единства мнений по поводу целого ряда аспектов взаимоотношений церкви и армии. Так, к примеру, в 2020 году комиссией Межсоборного присутствия по церковному праву был составлен проект документа «О благословении православных христиан на исполнение воинского долга». В нем, в частности, предлагалось исключить из пастырской практики использование Чина благословения воинских оружий «для „освящения“ любых разновидностей оружия, употребление которого может повлечь за собой гибель неопределенного количества людей, в том числе оружия неизбирательного действия и оружия массового поражения» (Комиссия Межсоборного присутствия, 2021). Этот проект вызвал резкую критику настоятеля храма Великомученицы Варвары — Патриаршего подворья при Главном штабе Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) в подмосковном поселке Власиха протоиерея Михаила Васильева. Он приводит опять же исторические контрпримеры с оружием неизбирательного действия, когда благословлялся «греческий огонь» в Византии, артиллерия и авиация в русской армии и т. д. Если принять тот факт, что РВСН происходят от традиционно благословляемых родов войск, то отказ в благословении им сейчас выглядит нелогично (РИА Новости, 2020).

Предметом исследования в рамках заявленной темы были выбраны морально значимые для православного священника ситуации, возникавшие в рамках мирного армейского быта или в зоне боевых действий. С социологической точки зрения большую часть подобных ситуаций можно классифицировать по признаку институциональной включенности священника в армейскую жизнь. Случаи, когда священник оказывается на войне, минуя какие-либо отношения с армией как институтом, и в ходе боевых действий не контактирует с ее средой, также имеют место, но предметом данного исследования являться не будут. Нас интересует, как соотносятся между собой индивидуальный моральный опыт священника на войне с институциональными рамками, в которых он обладает определенным, транслируемым внешнему окружению статусом. Поэтому именно триада «личное — церковное — армейское» служит, согласно нашей гипотезе, источником наиболее острых морально-этических конфликтов.

1. Существующие сейчас проекты и попытки возвращения религией своей самостоятельности и независимости глубоко вторгаются в область политического, и в том числе в сферу организованного насилия. Поэтому «исламский подъем, а также такие явления, как „радикальная ортодоксия“, — это признаки окончательного разоблачения мифологии модерна и перехода различных религиозных традиций в контрастную ситуацию. Таким образом, наблюдаемый сегодня религиозный подъем оказывается не просто каким-то непонятным ростом фанатизма, но гораздо более фундаментальным процессом» (Узланер, 2020: 19).

Мы исходим из того, что священник уже является частью церкви как института и также может быть в той или иной степени включен в институт армии. Эта включенность варьируется следующим образом:

1) Временная институциональная связь возникает в ситуации, когда церковь для выполнения гуманитарных задач в зоне боевых действий контактирует с армией как главным социальным институтом в пространстве войны. Возможна также преимственность социального статуса (священник — бывший военнослужащий каким-либо образом продолжает быть связан с вооруженными силами). В этом случае статус «бывшего военнослужащего» расширяет возможности взаимодействия священника с армией.

2) Постоянная институциональная связь возникает вместе с учреждением должности полкового священника в ситуациях, когда последний имеет статус представителя церкви в армии, но обладает в этих рамках определенной свободой (носит церковную одежду, не зависит от правил армейского быта, не подчиняется уставу и т. д.). В этой ситуации, как бы ни старался священник сблизиться со своей паствой, он останется внешним для военнослужащих человеком именно в силу своей относительной независимости от норм армейской жизни.

3) Глубокая институциональная связь является более редким и при этом наиболее интересным для изучения явлением. Речь идет о ситуациях, когда священник является частью армейской структуры, имеет воинское звание, носит военную форму и подчиняется уставу. В этом случае возникают и более острые с точки зрения их моральной значимости ситуации взаимодействия армейских норм с нормами религиозной жизни.

В каждой из описанных выше трех групп необходимо ввести «трехмерную» ось координат потенциальных моральных явлений, с которыми может столкнуться священнослужитель.

Первая ось описывает относительную глубину включенности статуса военного священника в институт армии. Речь идет о формальной стороне этого статуса, на которую остальные военнослужащие обязаны реагировать определенным уставом образом. Мы имеем в виду целый ряд формальных практик — ношение военной формы и знаков различия, военную иерархию в рамках армейской религиозной службы и ее подчиненность другим иерархиям, возможную степень следования религиозным нормам в быту и т. д. По сути, эта ось выражает степень свободы человека и конфликт лояльностей — он вначале офицер, а потом священник или наоборот?

Вторая ось выражает потенциальную степень участия военного священника в боевых действиях. Так как церковь с точки зрения армии призвана поддерживать моральное состояние военнослужащих на высоком уровне, то ожидается, что военный священник будет находиться на театре военных действий вместе с частью приписки. Однако степень близости его к «передовой» может сильно варьироваться. Предельным выражением одного из полюсов этой оси является военный священник, ободряющий солдат под вражеским огнем прямо на поле боя. При

этом есть целый ряд специфических ситуаций, когда степень участия человека в боевых действиях может быстро измениться. Возникновению подобных ситуаций зачастую способствует так называемая «новая война» с ее сильно затрудняющей применение норм военного и гуманитарного права размытой и асимметричной границей между «фронтом» и «тылом», комбатантами и мирными, собственно войной и внутригражданским конфликтом (Мюнклер, 2018: 192–210). «Новые войны» часто сопряжены с новой политикой идентичности, которая «часто трактуется как некий откат в прошлое, возвращение к досовременным идентичностям, временно вытесненным и подавленным модернистскими идеологиями» (Калдор, 2016: 184). Как попытку сконструировать такую «досовременную идентичность» можно интерпретировать концепцию православного «христолюбивого воинства», возникшую в России во второй половине XIX века (более подробно она будет рассмотрена в конце статьи). Сейчас происходит ее активное возрождение, особенно на фоне военных конфликтов, в которых российская армия принимала участие в 2000–2020-х годах. Непременным участником таких событий оказывается православный священник в армии.

Наконец, третья ось отражает глубину потенциального противоречия между армейской (военной) действительностью и православным вероучением. Ввиду того, что в данной статье мы будем рассматривать преимущественно представителей РПЦ, данная ось будет также выражать степень внутреннего согласия конкретного священника со способами и содержанием оправдания войны и армии, принятыми в данной религиозной организации.

Методология

Теоретико-методологическую базу исследования составили современные исследования по социологии морали. Если принять за основу наших дальнейших рассуждений, что «моральное и социальное совпадают в границах различения жизни и смерти» (Ольховиков, 2003: 71), то очевидно, что ситуация войны или опасности для жизни наиболее ярко демонстрирует соответствующие аспекты социальной реальности. Мы исходим из того, что таковую формируют поступки. Поступок есть действие: «1) совершаемое в ситуации выбора; 2) затрагивающее потребности и интересы других людей; 3) одобряемое или порицаемое другими вменяемыми индивидами» (Ольховиков, 2003: 48). Священник в армии, и особенно на войне, оказывается в фокусе сразу нескольких рамок выбора. Первой и основной такой рамкой выступает церковная дисциплина, она образует основу для принятия решений священником. При плотном же взаимодействии клирика с армейской средой воинская дисциплина становится для него не менее важной, а в случае священника-офицера — доминирующей. Тайна исповеди может вступать в противоречие с военной целесообразностью, буквальная трактовка Священного Писания — с функциями солдата на войне и т. д. В качестве примера подобного не решенного до конца вопроса можно привести вновь актуализировавшуюся со-

всем недавно проблему причащения солдат, раненных в ходе боевых действий. К примеру, святоотеческая традиция, идущая от Василия Великого, рекомендует воинам, как имеющим нечистые руки, не причащаться три года после сражения. Тогда как Афанасий Александрийский ничего об этом не говорит, когда рассуждает о законности и похвальности убийства врагов на войне. В данном контексте современная позиция РПЦ опирается на своего рода прецедентное право, когда на исторических примерах из войн прошлого постулирует допустимость причастия для раненых (ТАСС, 2022).

Также необходимо учитывать и то, что «проблематичность социологии морали проистекает не столько из внешних факторов, сколько из самого предмета и инструментария, с помощью которого мы его исследуем. <...> Другой спецификой морали, затрудняющей ее социологическое исследование, выступает амбивалентность — мораль реализуется одновременно в общественной и индивидуальной формах сознания» (Санженок, 2020: 254). В рамках армейской жизни подобная амбивалентность проявляется в виде так называемого «чувства локтя», когда отдельный человек действует в рамках коллектива, сообразуя свои решения с групповой целесообразностью даже ценой собственной жизни. В негативном ключе это проявляется в армейской «круговой поруке», когда коллектив может скрывать преступления отдельных своих членов. В одной частной беседе с автором данной статьи участник боевых действий в Афганистане описал свой персональный моральный опыт той войны как «ощущение потери собственного тела». То есть конкретный поступок совершает конкретный человек, но делает это в рамках коллективной субъектности и не рефлексировал его как персональный опыт. Поэтому для преодоления этих трудностей мы стремились к анализу моральных фактов через анализ их неморальных составляющих. «Соединение нескольких неморальных качеств делает действие морально правильным или неправильным. И мы не можем представить два мира, в которых связь неморальных фактов одинакова, а оценка действий с точки зрения моральных свойств разная. Таким образом, моральные свойства следуют за неморальными» (Там же: 258). В нашем исследовании это выразилось в реконструкции морального содержания решений и действий, которые по отдельности сами участники событий не осознавали как морально значимые. Другими словами, определенная логика военной рутины, армейской жизни складывалась у участника военных действий в ощущение «мы делали все правильно и хорошо» уже постфактум. Поэтому воспоминания и интервью священников нуждаются в деконструкции до уровня неморальных «атомарных решений» и их «пересборке» для последующего сравнения с результатами рефлексии самого клирика.

Фактический материал для анализа был получен в ходе исследования опубликованных интервью действующих священников Русской Православной Церкви, имеющих опыт пребывания в зоне боевых действий². Практически все эти интер-

2. Данные интервью опубликованы на значимых православных интернет-порталах (foma.ru, pravoslavie.ru) и страницах различных епархий (nne.ru, feodeparch.com).

вью строились по схожей логике, что сделало возможной их обработку по единой методологии: выявлялась институциональная связь священника и армии; затем анализировался его нарратив об участии в боевых действиях с выделением ключевых концептов и понятий, описывающих моральный опыт. Определенной методологической проблемой является то, что нам неизвестно, насколько сильно перед публикацией были отредактированы прямая речь и ответы респондентов на вопросы. Схожая проблема есть и при анализе опубликованных мемуаров. В данном случае можно только доверять редакторской этике и пренебречь потенциальными искажениями смыслов.

Теоретическая часть исследования построена вокруг классификации моральных фактов. Классификация в нашем случае означает деление исходной совокупности моральных фактов на классы, исходя из их существенного признака. Таким признаком является уже упомянутая выше система координат, указывающая на институциональную включенность священника в армейскую социальную реальность. Подобное разделение моральных фактов позволяет проводить с ними дальнейшие операции — сравнение, обобщение, интерпретацию. В последнем случае использовался анализ риторических и дискурсивных структур эго-нарративов, свидетельствующих о столкновении священника с морально проблематичными ситуациями. С его помощью заполнялись «лакуны» повествования и выявлялись «фигуры умолчания», связанные с рефлексией боевого опыта. Следует отметить, что все использованные интервью являются результатом размышлений священников, порой длительных, о пережитых на войне событиях.

Результаты и обсуждение

Анализ интервью позволил разделить на две группы морально значимые ситуации, возникавшие в связи с участием священников в войне или армейской жизни. Часть из этих ситуаций связана с событиями, которые до сих пор вызывают у интервьюируемых неоднозначную нравственную реакцию. Другие ситуации возникали в случаях прямой опасности, когда выбор любого из морально приемлемых решений не влек за собой явного снижения риска для жизни. То есть священник был вынужден идти на экзистенциальный риск, чтобы остаться в рамках привычной для него системы моральных ориентиров. Целый ряд ситуаций имел конститутивный для субъектности самого священника характер.

Наиболее распространенным примером ситуаций первой группы выступает отправление религиозных таинств в полевых условиях. Таинства представляют собой один из краеугольных камней любой религии, и произвольное нарушение порядка их совершения является, по сути, серьезным прегрешением со стороны священника. В ереси он, конечно, обвинен не будет, но такие ситуации вызывают серьезный внутренний конфликт. Иерей Андрей Милкин (командировки в Чечню в 2000–2001 гг.) говорит об этом так: «Необходим официальный церковный чин Крещения в полевых условиях. Это чрезвычайно важно, потому что, если честно,

совесть священника гложет за то, что он по необходимости сокращает чин Таинства Крещения. Лучше бы это делать вполне канонически правильно, в соответствии с официально определенными правилами» (Шестаков, 2002). Одновременно само таинство в полевых условиях вызывает у священника очень яркие переживания: «Невозможно описать словами то особое чувство, которое возникает при совершении Таинства Крещения в полевых условиях... почти физически ощущаешь всю полноту Церкви Земной и Небесной, пришедшей к нему, солдату...» (Там же).

Обратный пример, когда церковные ритуалы меняли военную реальность, приводит протоиерей Олег Стеняев (командировки в Чечню в 1999–2000 гг.). Речь идет о чине освящения оружия. Эта практика является одной из часто критикуемых со стороны светских противников РПЦ. Условно эта критика заключается в следующем — «освящаете оружие, значит, благословляете на убийство». Олег Стеняев приводит следующую аргументацию: «Когда мы освящаем оружие, это акция ограничительная для применения оружия, а не наоборот. Те, кто нас упрекает, не учитывают, что чин освящения оружия предполагает, что на оружие накладывается некий запрет. Освященное оружие нельзя применять против мирных жителей, против небооруженных людей. Против тех, кто сдается в плен. А если эти ограничения не выполняются, то это граничит с богохульством» (Попов, 2016). Когда солдаты узнавали об этом (уже после совершения чина), они по-новому начинали смотреть на выполнение боевых задач. Так как в начале нулевых годов в российской армии еще не была отработана система регламентации уровней применения силы (как это сделано, например, в армии США), чин освящения оружия становился дополнительным фактором, сдерживающим солдата от совершения военных преступлений.

Однако моральной однозначности в этом вопросе нет до сих пор. Согласно мнению протоиерея Михаила Васильева (командировки в Чечню, Косово, Сирию), данный ритуал допустим и необходим даже для ядерного оружия: «Если мы даем благословение, освящая оружие, то только на применение в оборонительных целях» (РИА Новости, 2020). Хотя, добавим от себя, ни о какой избирательности применения здесь речь идти не может.

Ситуации риска для жизни приводят священника к получению надолго запоминающегося морального опыта. Таково своеобразное чувство единения перед лицом смертельной угрозы. Наиболее ярко этот опыт описывает протоиерей Михаил Васильев. Однажды попав под артиллерийский обстрел, он и двое солдат начали исповедоваться друг другу перед лицом неизбежной, как они считали, смерти: «Мы в ужасе жмемся друг к другу. Понимаем — все, это конец. Непонятно, когда наступит смерть, но мы чувствуем, что она близко. Я начинаю исповедовать свои грехи этим парням. И вдруг они подхватывают и тоже начинают каяться» (Баглай, Васильев, 2022). Даже сама атмосфера в зоне боевых действий вызывает к жизни иное отношение между людьми, в том числе между представителями разных конфессий. Практически все священники вспоминают, что на проповедях и богослужениях могли присутствовать солдаты-мусульмане, которые потом так

же охотно, как и другие бойцы, брали нательные крестики, Новый Завет и иконки (Попов, 2016). Иерей Андрей Милкин вспоминает, что для него «явился полной неожиданностью тот факт, что большинство крещенных мною — татары и башкиры» (Шестаков, 2002). Ответить на вопрос, воспроизводим ли подобный опыт в случае наличия в полку муллы или раввина, затруднительно из-за отсутствия соответствующих фактов у исследователей.

Сложные в моральном отношении случаи часто становились своеобразной проверкой определенных персональных качеств священнослужителя. Речь идет о ситуациях, когда последний должен четко соответствовать стереотипному представлению, сложившемуся о служителях церкви у окружающих. Протоиерей Михаил Васильев описывает случай, когда офицеры любезно предложили ему первому идти по минному полю: «Логика простая: если священник пройдет — Бог на их стороне, не пройдет — поп „неправильный“ и Бог ему не помог. Значит, и не нужен им такой. „Сломался — несите другого“. Это была такая проверка на прочность молодого. Надеюсь, я ее прошел» (Баглай, Васильев, 2022). Скорее всего данный случай демонстрирует не глубокую религиозность солдат и офицеров, а смесь холодного расчета (пострадает кто-то не из моего подразделения) и солдатских суеверий, но сама фигура клирика способствовала религиозной интерпретации данного факта. Более важно не реальное отношение солдат к священнику, а его отношение к самому себе после этого случая. Ему важно было заслужить доверие солдат, пусть и с большой опасностью для жизни. Похожие ситуации возникали и в отношениях с местным населением. Здесь следует учитывать, что большинство из рассмотренных интервью повествуют о боевых действиях в Чечне, где подавляющее большинство населения исповедует ислам. Если учесть, что это была типичная «новая война» в терминологии М. Калдор, то проблема справедливой войны в ее «государствоцентричном» изложении часто решалась на локальном уровне — «здесь и сейчас» стороны конфликта договаривались о том, что морально приемлемо, а что нет. Протоиерей Олег Стеняев вспоминает две разноплановые ситуации. Одна из них произошла, когда его микроавтобус с гуманитарной помощью ночью на дороге остановили представители НВФ. Их уже отпустили, но машина никак не заводилась и ситуация начала накаляться. И тогда священник, выпив «для храбрости», завязал разговор с боевиками о том, зачем они берут в плен священников. В ходе разговора выяснилось, что в представлении местных есть «настоящие» и «ненастоящие» священники, а ему было сказано буквально следующее: «Ты толстый, пьяный и наглый — ты настоящий русский поп. Тебя никто здесь не тронет. Кто тебя тронет, Аллах того накажет» (Попов, 2016). То есть оказалось, что переход в словесную атаку полностью соответствовал стереотипным представлениям противоположной стороны о православном священнике. Инициатором другой ситуации стал уже сам протоиерей, когда в чайхане завязал разговор с другими посетителями, которые также явно имели отношение к НВФ. Суть разговора сводилась к тому, что протоиерей объяснял собеседникам значения их имен, а «имя для кавказца, особенно для мусульманина — это ключ к его

сердцу» (Попов, 2016). Тем самым, пойдя на риск, священник нашел общую почву для коммуникаций, укрепив свои позиции в местном социуме.

Несколько иные, но тоже конститутивные для трансформации субъектности священника морально значимые ситуации возникают при попытке совмещения им двух миров — армейского и церковного. Речь идет о священниках, одновременно являющихся офицерами действующей армии. При этом они совмещают функции служения с выполнением обязанностей офицера воинской части. Нами была найдена информация о двух подобных случаях в новейшей истории постсоветского пространства. Это наместник Свято-Стефано-Сурожского мужского монастыря игумен Никон и отец Дмитрий Тюрин. В обоих случаях клирики не являлись специально прикомандированными в армейскую часть военными священниками. Игумен Никон вначале окончил духовную семинарию, а потом по благословлению владыки Крымского Василия — военное училище и пошел служить офицером в армию Украины (Белова, 2007: 184). Отец Дмитрий Тюрин стал священником после увольнения в запас, но после этого опять вернулся в армию на офицерскую должность (Дмитриев, 2012). В опыте этих офицеров-священников нам интересна их рефлексия над соотношением армейского (и потенциально — военного) и духовно-религиозного в их жизни.

Отец Дмитрий Тюрин убежден, что «военный священник должен быть из среды военнослужащих. Он должен знать службу не понаслышке, тянуть ту же лямку, есть тот же хлеб, что и все вокруг. Только так можно стать настоящим воспитателем и духовным наставником тех, кто стоит на защите нашего государства» (Дмитриев, 2012). Схожим образом рассуждал игумен Никон, вспоминая о сути своей задачи первого на Украине офицера-священника: «Смысл церковного послушания (поручения) заключался в том, чтобы изучить систему, которая 75 лет правила нашим народом. А чтобы возродить утраченный духовный стержень в воинах, священник должен был знать все, что знали советские замполиты, но работать с этим в другой манере» (Феодосийская Епархия, 2019). Таким образом, оба этих священника сходятся во мнении, что «своим» в армии может стать только человек, имеющий непосредственное представление об армейской жизни, испытавший все ее тяготы, то есть полностью интегрированный в армию с институциональной точки зрения.

Выводы

Рассмотренные выше интервью демонстрируют картину институционального взаимодействия церкви и армии в различных ситуациях. Временная институциональная связь (например, командировка в зону боевых действий) способствует накоплению священником морального опыта взаимодействия не только с военнослужащими, но и с местным населением. При этом он руководствуется этическим принципом всеобщего равенства («Нашу задачу мы видели в том, чтобы помогать местному населению и военнослужащим» [Попов, 2016]). Подобный под-

ход позволял священнику наиболее полно реализовать христианские принципы любви к ближнему и равенства перед Богом. Успешность этой деятельности вызывала у священника сильные положительные эмоции, что укрепляло его в вере и давало понимание правильности поступков («Добро никогда не проходит бесследно в хорошем смысле этого слова» [Там же]). При этом в силу того, что риск оказаться непосредственно в бою у священника все-таки невелик, он смотрит на войну скорее с позиции нон-комбатанта. Соответственно, его отношение к оправданию войны строится на традиционном для РПЦ подходе к данной проблеме. Можно сказать, что в данном случае священник обогащается новым моральным опытом, но структура этого опыта лежит в основном в рамках уже сложившейся у него системы этических координат. Он, как правило, применяет хорошо знакомые ему стратегии принятия решений в ситуациях морального выбора. Основой его действий при этом остается церковная дисциплина.

Постоянная институциональная связь и пребывание в зоне боевых действий уже в статусе военного священника дают последнему возможность более плотно сблизиться с армейской средой, поняв соответствующие потребности военных: «Если военнослужащий увидит во мне в первую очередь человека, а не „непонятного попа“, присланного откуда-то сверху по разнарядке, то и желание прийти в Церковь у него появится» (Баглай, Михайлов, 2022). При этом видоизменяются и дополняются этические принципы, на которые ориентируется священнослужитель. Актуальными становятся гуманное отношение к поверженному врагу («нельзя пытаться пленить боевиков» [Там же]) и этика долга («равно греховно, косит ли человек от супружеского долга или от воинского» [Там же]). Более глубокое погружение в армейскую жизнь приводит к изменению понимания священником войны. Помимо риторики о защите Отечества и воинском долге, для такого священника становятся актуальными более специфические моменты — отношение к военной службе как к работе, учет нюансов, связанных с характером боевых действий (воинский долг можно выполнить по-разному), и т. д. Понимание справедливости войны происходит как бы «само собой» и может вступать в полемику с официальной позицией РПЦ, например, по упомянутому выше вопросу о чине освящения оружия (РИА Новости, 2020). В стратегии принятия морально значимых решений у такого клирика появляются элементы, свойственные военной дисциплине, чему способствует совместное его пребывание в действующих частях или на театре боевых действий.

Глубокая институциональная связь приводит к «раздвоению» социального бытия такого священника-офицера (или, точнее, офицера-священника). При этом армейские требования доминируют над церковной дисциплиной. Как вспоминает отец Дмитрий Тюрин (военный летчик): «меня заставили сбрить бороду» (Дмитриев, 2012). Скорее всего, борода это только вершина айсберга. Например, игумен Никон (Николай Демьянюк, лейтенант морской пехоты ВС Украины) занимался боевой подготовкой наравне с другими военнослужащими (Феодосийская Епархия, 2019). Такое «удвоение» социального бытия приводит к интересным

последствиям для морального состояния подобного священнослужителя. В своих действиях он начинает придерживаться скорее армейской, нежели церковной этики. Отец Дмитрий Тюрин (единственный из рассмотренных) ориентируется на упомянутую выше идею христолюбивого воинства, сформировавшуюся в России во второй половине XIX века: «Убеждён, что безбожная армия России не нужна. Должно быть христолюбивое воинство российское³, которое будет защищать внешние рубежи Родины как хранительницы святой православной веры. Как хранительницы русского нравственного менталитета» (Дмитриев, 2012). Подобные, взятые непосредственно из XIX века взгляды на проблему отношений между армией и церковью вполне можно определить на современном языке как «постсекулярные». Однако на вопрос о том, насколько такая «рехристианизация», или даже, если точнее, ретеологизация, применима к современной армии с ее уже довольно значительной светской институциональной историей, а также к доминирующим сегодня «новым войнам», с их приватизацией насилия, размыванием границ между внутренним и внешним врагом и полицейской официальной риторикой, еще только предстоит ответить.

Литература

Баглай К., Васильев М., протоиерей (2022). «Мне сказали по минному полю идти первым»: история священника, который не раз смотрел смерти в глаза. URL: <https://foma.ru/mne-skazali-po-minnomu-polju-idti-pervym-istorija-svjashhennika-kotoryj-ne-raz-smotrel-smerti-v-glaza.html> (дата доступа: 16.03.2022).

Белова С. (2007). Шляхтич. Симферополь: Бизнес-Информ, Оригинал-М.

Дмитриев Ю. (2012). Батюшка в погонах. URL: <https://www.pravoslavie.ru/52743.html> (дата доступа: 16.03.2022).

Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический (1908). Сочинения. 2-е изд. Т. III. СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова.

3. Основные элементы концепции «христолюбивого воинства» сформировались в период Крымской войны (1853–1856) в виде следующей триады: верность православному государю, обращение к исторической памяти и нетерпимость к противникам истинной веры. Одним из создателей и активных проповедников этой идеи был святитель Иннокентий (Борисов) (1800–1857), архиепископ Херсонский и Таврический. Большинство выступлений Иннокентия перед верующими строились по схожей логике. Вначале он подчеркивает прямую связь власти православного государя с Божественной волей при особой роли русского православия. Далее Иннокентий подчеркивает ключевую роль России в судьбе всего мира, которую она сыграет в будущем. Третий элемент концепции «христолюбивого воинства» — его нетерпимость к противникам истинной веры — прослеживается в следующей цитате: «Поспешите, возлюбленные, прославиться — славою чистой и святой, употребив все силы и средства, все искусство и умение ваше на содействие и помощь христолюбивому воинству нашему, которое, стекшись сюда со всех концов России на защиту страны вашей, в порыве святой ревности, ожидает как праздника того дня и часа, когда можно будет, не щадя своей крови и живота — за Царя и Отечество — ринуться победоносно на толпы богопротивных иноплеменников» (Иннокентий, 1908: 335). Точно такую же форму имела эта концепция во всех следующих войнах, которые вела Россия до революции 1917 года (Луньков, 2020: 101–111).

- Калдор М. (2016). Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Пер. с англ. А. Апполонова и М. Дондуковского под ред. А. Смирнова и В. Софронова. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Комиссия Межсоборного присутствия. (2020). Проект документа «О благословении православных христиан на исполнение воинского долга». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5587115.html> (дата доступа: 01.06.2022).
- Куманьков А. Д. (2020). Война в XXI веке. М.: ВШЭ.
- Луньков А. С. (2020). Концепция «христолюбивого воинства» в российском богословском и философском дискурсах XIX в. как феномен политики памяти // Дискурс-Пи. № 3. С. 101–111.
- Митрополит Антоний (Храповицкий). (2007). Собрание сочинений. Т. I. М.: Белый город, Даръ.
- Мюнклер Г. (2018). Осколки войны: эволюция насилия в XX и XXI веках / Пер. с нем. А. И. Лоскутовой. М.: Кучково поле.
- Ольховиков К. М. (2003). Социология морали: вопросы теории и выбора стратегии исследования. Екатеринбург: Изд-во РГППУ.
- Попов Н. (2016). «Я свидетельствовал о своей вере»: протоиерей Олег Стеняев вспоминает о миссии во время чеченской кампании. URL: <https://pravoslavie.ru/94687.html> (дата доступа: 16.03.2022).
- РИА Новости. (2020). Военный священник: нам предлагают отказаться от освящения оружия. URL: <https://ria.ru/20200220/1564984970.html> (дата доступа: 16.03.2022).
- Санжениаков А. А. (2020). На пути устранения теоретических затруднений социологии морали // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 2. С. 252–262.
- ТАСС (2022). В РПЦ прокомментировали возможность причащать раненных участников военных действий. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14725233> (дата доступа: 30.05.2022).
- Узланер Д. А. (2020). Постсекулярный поворот: как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Феодосийская Епархия. (2019). Памяти игумена Никона (Демьянюка). URL: <http://feodeparch.com/featured/pamyati-igumena-nikona-demyanyuka.html> (дата доступа: 16.03.2022).
- Шестаков А. (2002). Интервью со священником Андреем Милкиным. URL: <https://nne.ru/interviu-so-sviashchennikom-andreem-milkinym/> (дата доступа: 16.03.2022).

An Orthodox Priest at War: The Classification of Moral Experience

Alexander Lunkov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law UB RAS

Address: Sofii Kovalevskoy str., 16, Ekaterinburg, Russian Federation 620108

E-mail: istorik1981@mail.ru

The relevance and practical significance of the study of the moral experience of a priest in the time of war is due to the actual lack of research on the critical understanding of the personal choice made by an individual in the situation of perpetrating, suffering, or witnessing violence during wars. In the modern analytical tradition, the problem of moral experience in war is more often revealed from the point of view of normative approaches associated with the just war theory. In our opinion, it is necessary to understand war, first of all, as a situation that violates the fundamental principles of modern morality. This article is aimed at the researching and classification of the models of moral choice made by Orthodox priests who took part in the wars. It is only as a result of studying the functioning of moral choice in specific situations and understanding the personal experience of war that it is possible to reconstruct the ethos and to formulate the ethics of war. This approach has a philosophical and anthropological character, since it seeks to answer the question of "how to remain human in a non-human situation?". The sociological perspective of the study of this problem allows us to identify the institutional factors that influence the priest's decision-making. At the same time, it becomes possible to identify the transformations in the moral structure of the priest's personality, which occur depending on the degree of his involvement in army life.

Keywords: sociology of morality, Orthodox priest, military priest, ethics of war, moral choice in war

References

- Baglai K., Vasiliev M. (2022) "Mne skazali po minnomu polju idti pervym": istorija svjashhennika, kotoryj ne raz smotrel smerti v glaza ["I was told to go first through the minefield": The Story of a Priest who More than Once Looked Death in the Eyes]. Available at: <https://foma.ru/mne-skazali-po-minnomu-polju-idti-pervym-istorija-svjashhennika-kotoryj-ne-raz-smotrel-smerti-v-glaza.html> (accessed 16 March 2022).
- Belova S. (2007) *Shljahtich* [Shljahtich], Simferopol: Biznes-Inform, Original-M.
- Committee of Inter-Council Presence (2020) Proekt dokumenta "O blagoslovenii pravoslavnyh hristian na ispolnenie voinskogo dolga" [Draft Document "On the Blessing of Orthodox Christians for the Performance of Military Duty"]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5587115.html> (accessed 1 June 2022).
- z (2012) Batjushka v pogonah [Father in Uniform]. Available at: <https://www.pravoslavie.ru/52743.html> (accessed 16 March 2022).
- Feodosian Eparchy (2019) Pamjati igumena Nikona (Dem'janjuka) [In Memory of Abbot Nikon (Demjanjuk)]. Available at: <http://feodeparch.com/featured/pamyati-igumena-nikona-demyanyuka.html> (accessed 16 March 2022).
- Innokenty, Arhiepiskop Khersonsky i Tavrichesky (1908) *Sochineniya. T. 3* [Works of Innokenty, Archbishop of Kherson and Tauride, Vol. 3], Saint Petersburg: I. L. Tuzov.
- Kaldor M. (2016) *Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v global'nuju jepohu* [New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Kumankov A. (2020) *Vojna v XXI veke* [War in the 21st Century.], Moscow: HSE.
- Lunkov A. (2020) Konceptcija "hristoljubivogo voinstva" v rossijskom bogoslovskom i filosofskom diskursah XIX v. kak fenomen politiki pamjati [The Concept of the "Christ-Loving Host" in Russian Theological and Philosophical Discourses of the 19th Century as a Phenomenon of Politics of Memory]. *Discourse-P*, no 3, pp. 101–111.

- Mitropolit Antony (Khrapovitsky) (2007) *Sobranie sochinenij. T. 1* [Collected Works, Vol. 1], Moscow: Belyj gorod, Dar.
- Münkler H. (2018) *Oskolki vojny: evoljucija nasilija v XX i XXI vekah* [Fragments of War: The Evolution of Violence in the 20th and 21st Centuries], Moscow: Kuchkovo pole.
- Olkhovikov K. (2003) *Sociologija morali: voprosy teorii i vybora strategii issledovanija* [Sociology of Morality: Questions of Theory and Choice of Research Strategy], Ekaterinburg: RSVPU Press.
- Popov N. (2016) "Ja svidetel'stvoval o svoej vere": protoierej Oleg Stenjaev vspominaet o missii vo vremja Chechenskoj kampanii ["I testified of my faith": Archpriest Oleg Stenyaev Recalls His Mission during the Chechen Campaign]. Available at: <https://pravoslavie.ru/94687.html> (accessed 16 March 2022).
- RIA Novosti (2020) Voennyj svjashhennik: nam predlagajut otkazat'sja ot osvjashhenija oruzhija [Military Priest: We are Offered to Refuse the Consecration of Weapons]. Available at: <https://ria.ru/20200220/1564984970.html> (accessed 16 March 2022).
- Sanzhenakov A. (2020) Na puti ustraneniya teoreticheskikh zatrudnenij sociologii morali [On the Way to Eliminating Theoretical Difficulties of Sociology of Morality]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 2, pp. 252–262.
- Shestakov A. (2002) Interv'ju so svjashhennikom Andreem Milkinyom [Interview with priest Andrey Milkin]. Available at: <https://nne.ru/interviu-so-sviashchennikom-andreem-milkinyom/> (accessed 16 March 2022).
- TASS (2022) V RPC prokommentirovali vozmozhnost' prichashhat' ranennyh uchastnikov voennyh dejstvij [The Russian Orthodox Church Commented on the Possibility of Giving Communion to the Wounded Participants in Hostilities]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/14725233> (accessed 30 May 2022).
- Uzlaner D. (2020) *Postsekuljarnyj povorot: rak myslit' o religii v XXI veke* [The Post-secular Turn: How to Think about Religion in the 21st Century], Moscow: Gaidar Institute Press.